

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

*С. Д. Бодрунов*¹

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

Рассматривается эволюция государства, обусловленная стремительным технико-экономическим развитием, вызванным наступлением четвертой промышленной революции. Подчеркивается необходимость системной трансформации сфер материального производства, науки и образования с активным участием государственных институтов. Дальнейшее технологическое развитие выступает предпосылкой формирования нового постэкономического уклада – ноономики.

Ключевые слова: государство, технологии, четвертая промышленная революция, новое индустриальное общество второго поколения, материальное производство, образование, наука, ноономика.

УДК 330.354

В научной среде отношение к государству как институту достаточно противоречиво. Одни исследователи считают этот институт по преимуществу источником бюрократических притеснений, другие связывают с ним надежды на обеспечение устойчивого развития и безопасности, а большинство – держится середины. Едва ли не наиболее распространенным в настоящее время является определение государства, которое дается в рамках нового институционального направления. Так, его видный представитель Д. Норт определяет государство как «принудительную силу, способную эффективно осуществлять надзор за правами собственности и обеспечивать заключение контрактов» [16].

Однако гораздо меньше тех, кто стремится показать объективные основания как противоречий, присущих государству в современном социально-экономическом пространстве, так и потенциала этого института.

Существует круг ученых, связывающих трансформации природы и функций государства с глубинными технологическими изменениями. Последний аспект рассмат-

---

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, д-р экон. наук, профессор.

ривается преимущественно в контексте тех или иных «модных трендов». Так, в последнее время модно говорить о цифровом правительстве. Последнее, бесспорно, вещь полезная, но суть проблемы гораздо глубже.

Чтобы достичь глубинных оснований, необходимо очень серьезно отнестись к проблеме современной технологической революции, ибо только тонкий диалектический подход к исследованию функций государства позволит обоснованно определить те функции, которые сегодня должны принадлежать государству и которые станут мощным фактором развития производства, науки и образования при условии, с одной стороны, деbüroкратизации, а с другой – разумной социализации деятельности государства. И это – не парадокс, а реальность.

Со словом «революция» в современном научном сообществе тоже произошла путаница. Первая ассоциация, которая многим приходит на ум, – политический переворот [15], ведущий к гражданской войне и миллионным жертвам. Строгий смысл этого понятия – качественные изменения, скачок, характеризующий переход от одной системы к другой, – большинству хорошо известен, но неким образом закамуфлирован политическими контекстами, навязываемыми СМИ.

В данном случае важен именно строгий смысл понятия *революция*. Причина проста и понятна: *человечество вступило в период качественных трансформаций в сфере технологий* [1, 4]. Природе этих трансформаций посвящено немало работ. Эта тема раскрывается в двух последних книгах автора данных строк и в серии статей последних лет.

В чем же состоит *качественный скачок* в технологическом развитии? Сегодня многие исследователи связывают его с цифровизацией. При всем уважении к данным процессам это, скорее, область следствий определенных качественных сдвигов, нежели их основная характеристика.

Наиболее значимые изменения происходят в содержании материального производства. И главное из них (это неоднократно подчеркивалось, в том числе с трибуны конгресса «Производство. Наука. Образование в России: технологические революции и социально-экономические трансформации», прошедшего в конце 2018 г.) состоит в том, что основную роль в материальном производстве будут (и уже начинают!) играть не материальные факторы, а знание. *Производство становится знаниеемким* – в этом сущность четвертой промышленной революции. Подчеркнем: именно *промышленной, индустриальной*.

Растущую роль информации ученые увидели давно: еще в конце прошлого века появились десятки работ, в которых отмечалось, что знание (структурированный сублимит которого есть информация) становится главным ресурсом развития. Тогда же появились термины «информационная экономика», «экономика, основанная на знаниях», и т. п. Однако авторы большинства работ исходили из мифа о постиндустриальном обществе и отмирании материального производства. Этому посвящены работы Д. Белла, Э. Тофлера, М. Кастельса [14, 20, 22] и многих других западных авторов. В России об этом много писал В. Л. Иноземцев [12, 13].

Жизнь показала, что это – иллюзия. И не безвредная. Многие сторонники концепции современной технологической революции, отрицающей ведущую роль индустриального производства, сегодня все чаще становятся сторонниками теорий, отрицающих активную роль государства в экономике. Фактически их теории нацелены на реализацию давно подвергаемой критике и провалившейся модели рыночного фундаментализма. Более того, отрицание приоритетного развития высокотехнологичного мате-

риального производства, как правило, сопровождается отнесением любых сфер бизнеса к деятельности, содействующей общественному прогрессу, на том основании, что они увеличивают валовой внутренний продукт.

Это – не просто неточная научная позиция, это неправильный ориентир для социально-экономической политики государства. В частности, это касается вопроса места и роли финансового капитала в современной экономике. Хорошо известно, что его безудержная экспансия приводит к разбуханию «пузырей», чреватых не только финансовыми, но и экономическими кризисами [2]. Ориентация на постиндустриальное общество де-факто оказывается ориентацией на усиление роли финансового капитала и выдавливание капитала реального сектора.

Есть и другое, прямо противоположное понимание сути революционных изменений современности. Речь идет об одном из направлений современного марксизма. Взяв за основу, в принципе, верное положение Маркса о том, что будущее – за творческим трудом (Маркс называет его всеобщим), а не за репродуктивной деятельностью, эти ученые делают далеко идущие выводы. Так, А. В. Бузгалин, продолжая традиции советских марксистов-шестидесятников, считает, что главными в этих изменениях являются сокращение роли материального производства и рост так называемой креатосферы [7, 8]. При этом А. В. Бузгалин объявляет курс на реиндустриализацию ностальгией [6] и не хочет видеть, что суть происходящих изменений состоит не в отказе от индустриального типа производства, а в изменении его параметров, в переходе к новому индустриальному обществу второго поколения [1]. Данный процесс является следствием революционных проникновений знания в производство – возрастания роли и доли знания во всех компонентах производства, в том числе в труде. Именно знание, осознание нового позволяет творить. С развитием производительного труда он сам «дематериализуется» (как и производство в целом), становясь все более знаниеемким, т. е. творческим. Как следствие возрастает творческая компонента труда вплоть до выделения «творческих» профессий, «креативных индустрий». Нарастание творческого элемента трудовой функции создает ту самую «креатосферу», о которой говорит А. В. Бузгалин.

Таким образом, в конечном итоге речь идет о принижении роли материального производства, только на этот раз в рамках не либеральной, а радикально-левой парадигмы. Эта логика ведет А. В. Бузгалина еще дальше. В самом деле, если главное – переход от материального производства к креатосфере, то тогда необходимо перестроить в первую очередь общественные отношения, ее обеспечивающие. Отсюда следуют далеко не безобидные выводы о необходимости не только (и не столько) технологической, сколько политической революции, перелома, качественного изменения института государства и революционного перехода к пострыночной, посткапиталистической системе общественных отношений, проще говоря – к коммунизму, о чем не раз писали А. В. Бузгалин и его соратники [9].

Однако, во-первых, автор данной статьи всегда выступал и выступает против социальных, тем более политических, революций в традиционно понимаемом смысле; во-вторых, в этой модели будущего государство, пусть даже и контролируемое (по мысли А. В. Бузгалина) обществом, получает чрезмерно большую роль.

Обе эти крайности, как представляется, требуют конструктивного критического снятия, понимания того, что, с одной стороны, именно *технологическая революция, сама, без политических переворотов, постепенно, но неуклонно приведет к качественным изменениям и в производстве, и в его экономической организации, и в организации деятельности институтов государства.*

С другой стороны, что очень важно, эти изменения должны быть целенаправленными, а не стихийными, ибо последний вариант чреват катастрофическим разрушением среды обитания, сокращением ресурсной базы, безудержной финансиализацией и стагнацией технологического прогресса, в целом – регрессом человека, общества, культуры. И регулятором нашего адекватного цивилизационного развития должен быть выработанный долгой историей человечества институт – государство.

В чем же суть предлагаемой альтернативы и крайне либеральным, и радикально-марксистским теориям?

Прежде всего, нельзя не согласиться с авторами, которые пишут о возрастании роли знания, творческого труда, – это доказывает сама жизнь, практика. Более того, тезисы о возрастании знаниеинтенсивности производства и переходе к креативной экономике – одни из центральных в предлагаемой нами концепции нового индустриального общества второго поколения и ноономики. Одна статья вашего покорного слуги так и называется: «Нооиндустриальный переход: экономика креатива и креатив экономики» [3].

Однако в наших книгах и статьях мы говорим не об уходе от материального производства в сферу финансовых спекуляций или в «креатосферу». Речь идет о принципиально ином – о том, что содержанием грандиозной трансформации, свершающейся на наших глазах, становится переход к новому качеству именно *материального производства*.

Более того, сегодня можно считать доказанным, что это не постиндустриальное, а именно *индустриальное* производство, но индустриальное производство второго поколения, идущее на смену типу производства нового индустриального общества эпохи Дж. К. Гэлбрейта [10, 11]. В новом материальном индустриальном производстве знания и творческий труд, действительно, как было указано выше, начинают играть особую важную роль, что приводит к качественным изменениям не только в производстве, но и в экономике, во всей общественной жизни, в ценностях, потребностях и мотивации человека. Именно эти изменения, составляющие ядро современной промышленной революции, приводят в конечном итоге (но не через политическую революцию, а путем непрерывно ускоряющейся эволюционной трансформации) к появлению неэкономического способа удовлетворения потребностей человека – ноономики и качественно иному состоянию формирующейся на этой базе общественной жизни – ноообществу.

Каким должно быть и будет постепенно становиться *государство* в условиях такой трансформации? Какие функции оно обретает в механизме удовлетворения общественных потребностей?

Отвечая на первый вопрос, подчеркнем наличие двух нелинейно, но устойчиво развивающихся противоречивых тенденций. С одной стороны, все большая трансформация государства в аппарат решения технологических и экономических проблем, причем – решения, осуществляемого на основе цифровизации функций и снижения роли бюрократического аппарата. Это объективная закономерность развития государства в эпоху четвертой промышленной революции. С другой стороны, – это нарастание массы чиновничьего аппарата и его стремление не просто к сохранению статус-кво, но и к концентрации в своих руках все больших властных функций.

Первый тренд обусловлен содержанием технологической революции. В рамках этого тренда лежат следующие императивы:

Во-первых, активизация поддержки государством образования и его постепенная социализация, увеличение меры его общедоступности и, главное, переориентация

его на решение задач гармоничного развития личности человека, а не только на формирование компетенций и навыков профессионала.

На этот императив обратим особое внимание. При всех недостатках советской образовательной системы (а были и серьезные: чего стоит только принудительная идеологизация образовательного процесса) она была одной из лучших в мире. И одна из причин этого в том, что в образовательный процесс, включая его высшие уровни, были вовлечены все слои населения: от относительно привилегированных слоев столичной интеллигенции до рядовых жителей маленьких городов и деревень в глубинке. Автор данных строк, будучи учеником обычной школы в белорусском райцентре, смог без всякой протекции поступить во Всесоюзную заочную математическую школу при МГУ им. М. В. Ломоносова, успешно ее закончил и получил приглашение поступать в лучший советский вуз.

Советский опыт максимальной аккумуляции творческого потенциала всех граждан страны необходимо использовать в условиях четвертой технологической революции, когда не единицы и не тысячи, а миллионы человек должны включаться в процесс творческой деятельности.

Во-вторых, для ускорения технологической революции государство должно взять на себя функции разработки и реализации долгосрочных программ научно-технического развития, включающих в свою орбиту деятельность не только государственных предприятий, но и частного сектора, университетов и таких мощных институтов, как Академия наук.

Следует подчеркнуть роль фундаментальной науки, все быстрее передающей результаты своей деятельности в технологическую сферу. Недооценка потенциала фундаментальной науки, в частности исследовательских центров и институтов РАН, может обернуться большими проблемами для нашей страны в условиях ускоряющейся индустриальной революции и отставанием от передовых в технологическом отношении стран без возможности их догнать. Об этом надо говорить открыто.

При этом необходимо понимать, что большая наука и современное производство не могут состояться без тесной интеграции с образованием. Здесь существует множество аспектов: проблемы начального образовательного звена, профподготовка в условиях «исчезновения профессий», технологическое реформирование и интеллектуализация образовательного процесса на всех уровнях, проблема «образования через всю жизнь» и многое другое [17, 19]. Индустриальная революция влечет за собой и кадровую: «революционеры» должны быть знаниевооруженными, а государство как институт должно формировать для этого соответствующие условия.

В-третьих, акцент на культурном развитии человека, а не на наращивании ВВП любой ценой как стратегической цели общественного прогресса [5]. О фетишизации ВВП говорилось не раз. С развернутой критикой этого показателя выступили ведущие мировые ученые (вспомним разработки Дж. Стиглица и его коллег) [21]. О возможности и необходимости использования для оценки результатов развития страны, в частности деятельности государства, более сложных показателей, учитывающих экологическую, гуманитарную, социальную составляющие экономического прогресса, постоянно говорят и представители российского академического экономического сообщества.

В-четвертых, необходимость движения в направлении не только к «умному производству», но и «умному государству». В обоих случаях речь может идти о передаче рутинных функций от человека к автоматизированным системам, об интернете не только вещей, но и государственных функций, наконец, о той самой цифровизации, которая

абсолютно необходима, но которую нельзя считать универсальным средством решения всех проблем.

Все это, однако, императивы. В реальности же пока доминируют совсем иные процессы. К их числу в России относятся названный выше процесс бюрократизации и разрастания чиновничьего аппарата, господство финансиализации экономики, растрачивание гео- и биосреды на реализацию зачастую псевдопотребностей общества и т. п. Пути решения этих проблем – основная исследовательская тема Конгресса ПНО, и в рамках Московского академического экономического форума в 2019 г. эта работа будет продолжена.

Завершая размышления о государстве и технологической революции, остановимся на том, в каком направлении движет человечество современная технологическая революция и как будет в связи с этим изменяться институт государства.

В работах последних лет мы показываем, как на базе все более активных технологических изменений вырастает новая общественная реальность, реальность возможного будущего, которая обозначена понятием *ноообщество*.

Его материальной основой станет неэкономический способ удовлетворения потребностей – *ноономика*. В этом мире произойдет разделение социальной и производственной систем, порождающих так называемые производственные отношения и экономический способ удовлетворения потребностей человека, выход человека, как писал Маркс, «за пределы производства», и формирование на этой основе не связанных с производством (в широком смысле слова) социальных отношений качественно иного общественного устройства. Технологические достижения создадут предпосылки для постепенного снятия противоречий финансиализации, общества симулятивного потребления, утилитарного отношения к природе; знание станет основой нового, постэкономического производства, а развитие человека-творца – основой общественных отношений. В каждом из этих аспектов роль государства будет изменяться по-разному. Государство как институт не исчезнет в ноообществе, но претерпит принципиальные качественные изменения. Представляется, что со снижением значимости экономических отношений регулятивная функция государства в экономике будет снижаться, в то время как его роль в качестве «согласователя» интересов членов общества, общественных и частных интересов, касающихся развития личности, будет становиться все более значимой.

Безусловно, вопрос изменений в соотношении сил в парах общество – государство, личность – государство, происходящих в ходе новой промышленной революции, не является тривиальным и требует глубокого исследования. При этом важнейшей задачей экономистов является серьезная и обоснованная формулировка фундаментальных основ стратегии социально-экономического развития в мире, стоящем на пороге четвертой промышленной революции; стратегии, позволяющей осветить дальние горизонты нашего движения вперед [18] и определить ключевые аспекты и параметры трансформации института государства в ходе этого движения.

Мировая социальная и экономическая мысль сегодня бьется над этими вопросами, «спотыкаясь» о сиюминутные проблемы стагнации, с одной стороны, и нарастание международных и внутренних противоречий практически во всех странах мира – с другой. Безусловно, эти противоречия актуальны. Это – кризис старого при невыстроенности нового мирового порядка, сублимированный в росте социального и межстранового неравенства, при имеющихся, но нерационально используемых огромных технологических возможностях развития, которые не может реализовать нынешняя мировая сис-

тема социально-экономических отношений. И функция государства как института, способного в наибольшей степени мобилизовать общество на решение этих проблем, на данном этапе является едва ли не наиболее востребованной.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. – 328 с.
2. Бодрунов, С. Д. Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 4. – С. 8–18.
3. Бодрунов, С. Д. Нооиндустриальный переход: экономика креатива и креатив экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 4. – С. 5–7.
4. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
5. Бодрунов, С. Д. Нооразвитие, а не бездумный рост / С. Д. Бодрунов // Вольная экономика. – 2018. – № 06. – С. 13.
6. Бузгалин, А. В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 80–94.
7. Бузгалин, А. В. Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность / А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2017. – № 8 – С. 20–30.
8. Бузгалин, А. В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? / А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2017. – № 7. – С. 43–53.
9. Вершина Великой революции. К 100-летию Октября / под общ. ред. Б. Ф. Славина, А. В. Бузгалина. – М.: Алгоритм, 2017. – 1216 с.
10. Гэлбрейт: возвращение / под ред. С. Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. – 424 с.
11. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969.
12. Иноземцев, В. Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире / В. Л. Иноземцев. – М.: Academia – Наука, 1998. – 614 с.
13. Иноземцев, В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (к проблеме социальных тенденций XXI века) / В. Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3.
14. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
15. Ленин, В. И. Государство и революция // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 33. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – 434 с.
16. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Начала, 1997.
17. Смолин, О. Н. Экономия на человеке как механизм торможения: некоторые социальноэкономические аспекты / О. Н. Смолин // Экономическое возрождение России. – 2018. – №2. – С. 23–36.
18. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016.
19. Яковлева, Н. Г. Образование как драйвер социально-экономического развития / Н. Г. Яковлева // Экономическое возрождение России. – 2016. – №4. – С. 105–117.

20. *Bell, D.* The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting / D. Bell. – N.Y.: Basic Books, 1973.

21. *Stiglitz, J. E.* Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress / J. E. Stiglitz, A. Sen, J.-P. Fitoussi. – Paris, 2009.

22. *Toffler, A.* The Third Wave / A. Toffler. – L.: Pan Books Ltd in association with William Collins Sons & Co. Ltd, 1980.

S. D. Bodrunov. The state and revolution. Sergey Bodrunov analyzes the evolution of the state caused by the Fourth Industrial Revolution and subsequent fast technical and economic development and emphasizes the need for a systemic transformation of material production, science and education with active participation of state institutions. Further technological development serves as a prerequisite for the formation of a new posteconomic formation – the noonomy.

Keywords: state, technologies, Fourth Industrial Revolution, New Industrial Society of the Second Generation, material production, education, science, noonomy.